

Верхи не могут, низы не могут

Но все хотят. И Сара Брайтман, и Хосе Каррерас
Независимая газ. - 2001. - 23 нояб. - с. 18.
Юлия Бедерова

Шампанское в фойе и коридорах (партера и бельэтажа) снуют с подноса на поднос, по ходу опустошаясь, шоколадные конфетки перепрыгивают в открытые рты из предусмотрительно открытых коробок, глянцевые бесплатные программки тычутся в руки, смелые голые и трусоватые одетые женщины с уверенными пиджачными мужчинами тычутся друг об друга и непременно флиаируют. Публика умиротворенно облизывается. В фойе курят (чего обычно не бывает: здесь выпроваживают на мороз, даже если ты Аристотель Онассис). Начало концерта - на час позже привычного и еще

Каррерас хотел
выглядеть как
одинокий волк.
Но выглядел, скорее,
как волчок

на час - обещанного. В буфете ажиотаж: фирменные бутеры Большого - маломерки с черной икрой из обрезанного по краям мякиша, обычно блеклые - теперь дружелюбны, расфуфырились и хорошо поглощаются.

Партер почти полон, впрочем, насколько раскуплены билеты по ценам, приличествующим заявленной благотворительности (первые ряды, например, - по 50 000 рублей, весь сбор - в Фонд реконструкции Большого театра), - судить трудно. Может, это гости господина Каррераса или Николая Баскова. Почему бы, действительно, не Баскова.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 8

Верхи не могут, низы не могут

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
По крайней мере Бэлза ведет концерт не один, а вместе с поп-звездой (по профессии - балериной) Анастасией Волочковой. Последняя говорить не может совсем, поэтому перечень приготовленных песен и арий просто омывает Винокура, Починка, Шохина, Кобзона, Крутого, господина, известного как «хозяин Тишинки», господина, известного как «продюсер Николая Баскова», нескольких господ, известных как «хозяева Тайги», и остальную публику нечленораздельно-ласковой звуковой волной. Жарко и приятно.

Первый акт концертной пьесы в жанре «как бы элитарное для как бы масс», или «высокое ли, низкое ли - главное, чтоб

вкусненько, красивенько, просто, но с интригой и довольно дорого» - целиком за Каррерасом. В прошлом - великий испанский тенор, он теперь, кажется, будто на разогреве.

Несколько итальянских и испанских песен с оркестровыми антрактами из Иоганна Штрауса и Верди вызывают странное ощущение. Следы былых роскошеств истового и драматичного вокала небольшого, элегантно-пасмурного человека погребены под завалами всякого разного. Каррерас выглядит как одинокий не то чтобы волк, но такой волчок. Оркестр РНО плетется за ним не кормленной кобылкой.

В перерыве хозяева лесов, поля и рек только и говорили про

Сару Брайтман, изумляя осведомленностью и обсуждая, какой из трех ее дисков лучше. Она вышла таким тортиком, вся в рюшах, розово-бежевая, в целом - модельная, спела в микрофон, впервые подключенный в Большом театре, три с хвостиком номера из объявленных шести (Бернштейна, Уэббера, нечто на популярную тему Альбини). Подвывала на началах и неприятно взвизгивала на концах фраз. Оркестр добавил вяленную версию заглавной песни из кино «Титаник». Уплыла. Еще раз выплыла на коротенький, не выставленный по звуку дуэт с испанцем.

На мировой арене Брайтман появилась, когда спела премьеру мюзикла «Кошки» и вышла

за автора замуж. Потом развелась. Зацкали колесики культурных механизмов, и сегодня она - дорогой британский шоу-экспорт, актриса мюзикла, которая немножко добавляет к репертуару шлягерной классики и новых меланхолических песен. Ее зовут «луноликой», «ангелом», «лебедью». Видимо, потому, что на человека не похожа. Если перевести этих лебедей с поп-культурного языка, может выйти грустный, бледный бассет-хаунд. Но искусственный. Но приятно дикий (и отчего это все время слышится «мур-мур-мур?»). Любопытно, но из всех приемов поп-звезды Брайтман знает лишь один - шифроваться. На пресс-конференции, устроенной организатором концерта компанией «Росинтерфест», - не появлялась, бисов не пела (Каррерас пел, Брайтман кланялась), в гостиницу, где не ждал ни один посторонний, просочилась через кухню. Кажется, тяжело перенесла перелет в Москву из Токио, где они вместе открывали новый стадион. Тоже дело.

В финале, в перерывах между тем, как Брайтман кланялась, Каррерас - то ли вся эта история его в конце концов перепахала, то ли так просто, - распелся и бисы сделал изумительно. Не столько даже технически (хотя и в этом отношении - достойнее), сколько на неожиданном, строго поданном подъеме раннего драматизма.

Шоу-бизнес - вещь не только приятная, но глухая и убедительная. Скажешь: «Бог ты мой, это ж коза рогатая!», а тебе: «Нет, сынок, это птица сизокрылая». Веришь и уходишь весь в соплях оттого, что видел шоу Сары Брайтман, хотя, по правде говоря, был на небольшом концерте потихоньку отходящего от дел Каррераса в бутербродном антураже.

Свою «карьерас» Каррерас сделал давно. Концерт в Большом ничего к ней не прибавил.

Фото ИТАР-ТАСС